

Похожи русские на динозавров?

Все мы так или иначе думаем над главными угрозами, с которыми Россия столкнулась в данный момент. На мой взгляд, одна из важнейших - внедрение в массовое сознание неудовлетворенных потребностей.

Реформаторы взяли за свой маяк Запад и мыслят в понятиях западных теорий. Эти теории рассматривают незападные культуры, свободные от психоза потребительства, либо как отсталые, либо как тупиковые. Известно, что в России сложилась культура *непритязательности*. Все мы любили комфорт и хорошие вещи, но не делали из них кulta. Люди ценили *достаток* и считали глупым рвать себе жилы ради *избытка*. Но уже в годы перестройки мы стали объектом небывало мощной и форсированной программы по слову старой, созданию и внедрению в общественное сознание новой системы потребностей. Вспомним азы этой проблемы.

Потребности являются явлением социальным, а не индивидуальным, они обусловлены культурно, а не биологически. Точнее сказать, биологические потребности составляют в общем их спектре очень малую часть и даже «подавляются» культурой - большинство людей скорее погибает от голода, но не становится людоедами.

Капитализм нуждается в непрерывном расширении потребностей и в том, чтобы жажда потребления становилась все более жгучей, нестерпимой. Маркс прозорливо писал о буржуазной революции: «Революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе... Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей». Сдвиг в мировоззрении нашей интеллигенции к западному либерализму породил вражду к непритязательности потребностей советского человека, ибо она была иммунитетом против соблазнов капитализма.

Но вместо того, чтобы разобраться в

своих духовных импульсах, оценить их разрушительный потенциал для культуры того общества, в котором наша интеллигенция жила, наш образованный слой перековал эти импульсы в фанатическую ненависть к «совку». Из нее и выросла программа по слову присущей советскому обществу структуры потребностей.

В любом обществе круг потребностей расширяется и усложняется. Это создает противоречия, разрешение которых требует развития и хозяйства, и культуры. Важнейшей силой, уравнивающей этот процесс, является разум людей, их реалистическое сознание и чувство меры, а также исторический опыт, отложившийся в традиции.

Но, как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки». К чему же привела наше общество кампания по переориентации потребностей на структуру общества потребления? К сильнейшему стрессу и расщеплению массового сознания. Люди не могут сосредоточиться на простом вопросе – чего они хотят? Их запросы включают в себя взаимоисключающие вещи. В условиях обеднения усилились уравнивательные идеалы, и люди хотели бы иметь солидарное общество - но так, чтобы самим лично прорваться в узкий слой победителей в конкурентной борьбе. И при этом, если удастся, не считать себя хищниками а уважать себя как православных.

Это – не какая-то особенная проблема России, хотя нигде она не создавалась с помощью такой сильной технологии. Начиная с середины XX века потребности стали интенсивно *экспортироваться* Западом в незападные страны через механизмы культуры. Разные страны по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми средствами для их удовлетворения, которыми они располагали. Сильнейшим барьером, защищавшим местную («реалистичную»)

систему потребностей, были рамки культуры.

Например, в России крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг – он ходил в лаптях. Так же в середине XIX века было защищено население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служила национальная идеология (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты – у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности “окопного быта”.

При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, “ускользание национальной почвы” из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие общества, утратившие свой культурный железный занавес, можно “сравнить с *идолопоклонником*, чахнувшим от болезней христианства” - западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные. На «жигулях» ездить не можем, только на иномарках!

Ведь именно поэтому так по-разному сложилась историческая судьба незападных обществ. В культуре Китая, Юго-Восточной Азии, Индии и арабских стран были механизмы, защитившие их от импорта сфабрикованных на Западе потребностей, а в Океании, Африке, Латинской Америке - нет. И поэтому Азия нашла свой путь индустриализации и развития - и уже обгоняет Запад, - а Африка и половина латиноамериканского общества хиреют.

Так осуществляется большая программа по превращению и нас в чахнувших идолопоклонников. Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше культурные защиты против внешнего идеологического воздействия. Эти защиты были обрушены обвалью в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме

хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это породило массовое шизофреническое сознание и быстрый регресс хозяйства – с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований – семей, кланов, шаек.

И все мы – от верховной власти до молодых балбесов, уверовали в самые странные утопии и ложные метафоры. В ноябре 2000 г. президент В.В.Путин, выступая перед студентами Новосибирского университета, сказал: «Для того, чтобы интегрироваться в мировое экономическое пространство, необходимо «открыть границы». При этом части российских производителей станет неуютно под давлением более качественной и дешевой зарубежной продукции». И добавил, что идти по этому пути необходимо - иначе «мы все вымерем, как динозавры».

Все это противоречит и логике, и опыту. Начнем с последней мысли – что без зарубежных товаров «мы все вымерем, как динозавры». Разве динозавры вымерли оттого, что не могли купить дешевых японских видеомagneтофонов или итальянских колготок? Нет, они вымерли от холода. Если перенести эту аналогию в нынешнюю РФ, то значительной части ее населения реально грозит опасность вымереть именно как динозаврам – от массовых отказов централизованного теплоснабжения при невозможности быстро создать иные системы отопления жилищ. Отказы и аварии в котельных и на теплосетях происходят именно вследствие того, что президенты Б.Н.Ельцин и В.В.Путин «открыли границы» и туда утекли амортизационные отчисления на плановый ремонт теплосетей и котельных в сумме около 100 млрд. долл. (а если брать ЖКХ в целом, то в сумме 5 триллионов руб. или около 150 млрд. долл.).

Ни динозавры, ни народ России из-за отсутствия иностранных товаров вымереть не могут. Метафора сбивает людей с толку. Уж

если на то пошло, то именно конкурентоспособные американцы без «качественной и дешевой зарубежной продукции» вымрут очень быстро и буквально как динозавры (вернее, не вымрут, а разумно перейдут к плановой экономике). Именно поэтому они и воюют в Ираке и щелкают зубами на Иран. США абсурдно расточительны в энергопотреблении, они сейчас тратят в год только нефти 1 млрд. тонн. На производство 1 пищевой калории их фермеры тратят 10 калорий минерального топлива, в то время как смысл сельского хозяйства - превращение в пищу бесплатной солнечной энергии. Какая глупость - ставить нам в пример их экономику!

Когда вышла книга А.П.Паршева «Почему Россия не Америка?», в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН ее обсуждали на семинаре четыре часа подряд при полном конференц-зале. Первый докладчик сказал примерно так (близко к тексту): «Все присутствующие в этом зале прекрасно знают, что если прикрыть США огромным стеклянным колпаком, препятствующим товарообмену, то через пару-другую месяцев экономика США полностью остановится. Если таким колпаком прикрыть Россию, то через пару-другую месяцев наш кризис прекратится и начнется экономический рост». Так обстоит дело с динозаврами.

В.В.Путин почти буквально повторил студентам формулу из «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса, в котором сказано: «Буржуазия... увлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Низкие цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам».

Классики марксизма тут выступили как идеологи, искажающие реальную историю – китайские стены разрушались, а варвары принуждались к капитуляции не товарами, а самой обычной артиллерией, как это буквально было и с Китаем, и с сотнями других народов. Какое-то время Россия имела

силы этому противостоять, а сейчас на время ослабла. Ослабла не артиллерией, а сознанием.

Когда идеологи реформ проводили акцию по внедрению невозможных потребностей, они преследовали конкретные политические цели – в соответствии с заказом. Но удар по здоровью страны нанесен несопоставимый с конъюнктурной задачей – в РФ создан порочный круг угасания народа. Система потребностей, даже при условии ее более или менее продолжительной изоляции от чуждого влияния, очень живуча. Укоренение “потребностей идолопоклонника” создает для нас реальный риск “зачахнуть” едва ли не в подавляющем большинстве.

Мы снова в исторической ловушке – как и перед революцией начала XX века. Она складывалась в ходе такого процесса. До начала XX века почти 90% населения России жило с уравнильным крестьянским мироощущением, укрепленным Православием (или уравнильным исламом). Благодаря этому нашей культуре было чуждо *мальтузианство*, так что всякому рождавшемуся было гарантировано право на жизнь. Даже при том низком уровне производительных сил России, который был обусловлен исторически и географически, ресурсов хватало для жизни растущему населению. Было даже можно выделять достаточно средств для развития культуры и науки – создавать потенциал развития. Это не вызывало социальной злобы, так как крестьяне не претендовали на то, чтобы “жить как баре”.

В начале XX века, под воздействием импортированного капитализма это устройство стало разваливаться, но кризис был разрешен через советскую революцию. Это было жестокое средство, к которому общество пришло после перебора всех возможных альтернатив. Революция сделала уклад жизни более уравнильным и производительным. Жизнь улучшалась, но баланс между ресурсами и потребностями поддерживался благодаря сохранению инерции “крестьянского коммунизма” и наличию защиты против неадекватных потребностей. В культуре не было

мальтузианства и стремления к конкуренции, благодаря чему население росло и осваивало территорию.

После 60-х годов произошла быстрая урбанизация, большинство обрело тип жизни “среднего класса”, в культуре интеллигенции возник социал-дарвинизм и стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь (например, в виде права на труд и на жилье) стало ставиться под сомнение - сначала неявно, а потом все более громко. В конце 80-х годов это отрицание стало основой официальной идеологии.

И сегодня, под ударами реформы, общество впало в демографический кризис, обусловленный не столько социальными причинами, сколько мировоззренческими. Еще немного – и новое население России ни по количеству, ни по качеству (типу сознания и мотивации) уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к “центрам комфорта”, так что весь облик страны будет быстро меняться.

Таким образом, опыт последних десяти лет заставляет нас сформулировать тяжелую гипотезу: русские могли быть большим народом с высоким уровнем культуры и темпом развития только в двух вариантах: при комбинации Православия с крестьянским общинным строем - или при коммунизме с советским строем. При капитализме - хоть либеральном, хоть криминальном - русские стянутся в небольшое население Восточной Европы с утратой державы и высокой культуры.

В современной западной философии, которая остро переживает общий кризис своей цивилизации, есть взятый у поэта XVIII века Гёльдерлина принцип: “Там, где зреет смертельная опасность, там появляется росток надежды на спасение”. Надо надеяться, что нормальные человеческие инстинкты - сохранения жизни и продолжения рода - будут разворачивать коллективное бессознательное русского народа его созидательной стороной. Надо помогать этому средствами разума, стремясь, чтобы силы спасения выросли раньше, чем смертельная опасность созреет вполне.

Но для этого наша интеллигенция обязана подвергнуть хладнокровному и беспристрастному анализу те интеллектуальные конструкции, которые она в возбужденном состоянии вырабатывала последние полвека - и заменить те их блоки, которые несовместимы с жизнью народа.

Задача эта срочная, потому что народ, судя по всему, вымирать не собирается, в нем усиливаются идеи державности. Если интеллигенция откажется помочь людям выработать развитый язык и логику, они станут «материальной силой» в очень грубом обличье, а при своей реализации произведут в рядах наших либералов большое опустошение. И это очень дорого обойдется стране - дороже, чем Гражданская война 1918-1921 гг. Как выразился один политолог, «у народа России есть огромный нерастроченный запас чувства гнева».

С.Г. Кара-Мурза
www.kara-murza.ru